

Шостакович Дмитрий
Дмитриевич

14.01.72

ПРАВДА

14 января 1972 г. ● № 14 (19522)

НОВЫЕ произведения Д. Шостаковича всегда ожидаются с большим интересом. Так было и с впервые исполненной на днях Пятнадцатой симфонией. Знакомство с новым произведением оставило глубокое впечатление у слушателей, тепло приветствовавших автора после концерта.

Очень трудно передать словами содержание непрограммной оркестровой музыки, тем более такого сложного произведения, как Пятнадцатая симфония. Если попытаться определить в самой общей форме сущность ее музыки, то можно сказать, что она воспринимается как лирико-философское размышление о жизни, быть может даже, как взгляд, брошенный в прошлое. На эту мысль наводят переклички с прежними произведениями Шостаковича, ощутимые здесь, хотя и без прямого повторения сказанного ранее. Музыка Пятнадцатой симфонии вводит в мир мыслей и переживаний, которыми проникнуты у композитора произведения последнего времени, и среди них — квартеты и соната для скрипки с фортепьяно. Все они написаны привычным почерком Шостаковича, и вместе с тем в них чувствуется стремление использовать новые приемы композиторской техники, поставить их на службу своим художественным задачам. Шостакович всегда говорит собственным голосом.

Этот голос ясно слышится и в Пятнадцатой симфонии, по своему складу и содержанию не похожей на все осталь-

Звучит Пятнадцатая...

ПРЕМЬЕРА

ные, при всей общности отдельных частей. Глубоко искренняя музыка говорит о том, что пережито и прочувствовано ее автором, и именно это определяет строй и характер симфонии.

Композитор как бы ставит перед своими слушателями ряд вопросов и отвечает на них самым неожиданным образом. Так, в стремительном хороводе пестрых образов первой части, где проносятся озорные мелодии и острые танцевальные ритмы, где музыка искрится и сверкает юмором, увлекает непрерывностью движения, мы с удивлением встречаем давно знакомую жизнерадостную мелодию из россиниевской увертюры «Вильгельм Телль», которая просто и непринужденно сочетается со всем остальным. Полной противоположностью этой динамичной, исполненной движения музыки является вторая часть симфонии, где в центре внимания диалог виолончели и оркестра, строго сосредоточенный распев, в котором подчас слышится явственная трагическая нота, напоминающая о многих прежних страницах музыки Шостаковича. Сопоставление двух, так несхожих друг с другом, частей приводит к

совершенной неожиданности — стремительно взлетает вверх, а затем так же ниспадает фраза, начиная новое скерцо, проникнутое фантастическим характером. Здесь, как и в других частях симфонии, проявилось оркестровое мастерство композитора, в частности — в применении ударных инструментов, причем не для оглушительных шумовых эффектов, а для создания тонких оттенков звучания.

Дальше композитор ведет еще к одному, казалось бы, ничем не подготовленному повороту действия — последняя часть симфонии начинается цитатой из Вагнера — звучит тема судьбы из «Валькирии», и снова возникает вопрос: куда же пойдет мысль композитора? И отвечает на него появлением простой, почти песенной мелодии, полной светлой печали, в которой есть что-то близкое есенинскому образу — «вечерний несказанный свет». Эта просветленность окрашивает музыку последней части. Симфония заканчивается затуханием протянутых высоких звуков скрипок, а на втором плане продолжается активное движение ударных инструментов, напоминающее о первой части, создающее

ту завершенность повествования, которая требуется всем ходом развития музыкальной мысли, изобилующим столькими сложными поворотами.

Чайковский некогда говорил, что симфония — самая лирическая из всех музыкальных форм, и эти слова можно отнести к новому произведению Шостаковича. Оно написано композитором, прошедшим большой путь, много пережившим, передумавшим и претворяющим богатство жизненных впечатлений в неповторимые музыкальные образы. Музыка симфонии рождена беспокойной творческой мыслью, постоянно устремленной вперед, к новым берегам.

Пятнадцатая симфония, с которой нас познакомил Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения под управлением дирижера Максима Шостаковича, — глубоко самобытное явление. Она тесно связана со всей эволюцией творчества композитора и в то же время не повторяет идею какого-либо другого из его произведений — это еще одна страница в творческой биографии композитора.

И. МАРТЫНОВ.